

Глава 9. Ничего такого не случилось.

Честно сказать, Майю всегда немножко смешила Стёпа Хастаева. Одни её гремящие драгоценности чего стоят — как на новогодней ёлке! Забавно, что в школе Майю называют заодно со Стёпой: «наши милые девушки», «наши молодые педагоги». Майя в «наших молодых» ходит уже второе десятилетие. Наверно, и на похоронах скажут: «Прощай, наш молодой способный педагог». Стёпа любит повторять: «Мы с Майей Ивановной, как настоящие закалённые девушки», хотя Степа ещё совсем молода, а «девушке Майе» — под сорок.

С тех пор как появился Аласов, Степанида красится и душится с таким ожесточением, что от её парфюмерии в учительской дух переменялся. Поскольку Аласов чаще, чем с другими, балагурит с Унаровой, Стёпа вынуждена была пересмотреть своё отношение к стареющей Майе. Что за стрелы мечут иногда выразительные Степины очи, подведённые карандашом!

А сегодня её определённо осенила какая-то идея, что-то ей хочется сказать Майе — на перемене она так и кружит вокруг, то справа зайдёт, то слева.

— Дорогая Майечка, что случилось с жиличкой вашей?

— А что случилось с жиличкой нашей?

— Как! Вы не знаете? В правлении машину себе заказывает...

...На счастье, она ещё застала в учительской Тимира Ивановича.

— Как это — отпустить с урока! Да вы соображаете, что говорите, Майя Ивановна, звонок уже... Разве я могу вот так на ходу заменить вас?

— Нельзя мне! — Майя так разволновалась, что не сразу находила нужные слова. — Нельзя мне... В общем, я ухожу.

Тимир Иванович даже дверь загородил:

— Это безобразие! Учтите, я не разрешаю! На педсовете вопрос поставлю! Что у вас там, если не секрет — пожар, ребёнок заболел?..

Она бежала по улице, на ходу повязывая косынку. Чисто пестряковский юмор: у неё, у старой девы, не ребёнок ли заболел? Сам того не подозревая, он сказал истину. Саргылана стала дочерью ей. Что она задумала, девочка моя? Почему машину, зачем? Как далеко, оказывается, бежать до этого правления...

Всю жизнь прожила она одна, привыкла к налаженному быту одиночки. А сейчас и подумать страшно: как она могла без Саргыланы! Чувство сложное, необъяснимое... Может, от стародевичества: душа своего запросила, затребовала? Или ещё сложнее: выросла Майя без родителей, у тётки — женщины строгой, неласковой. Подружилась с детства с Надей — погибла дружба. Полюбила Сеню — остались на всю жизнь одни воспоминания. Одна, всегда одна. Вечные учительские хлопоты — как плотина от одиночества. Но такая плотина, которую нужно каждый час наращивать, укреплять, иначе прорвёт. И вдруг в доме появилась Саргылана, и понятно стало великое и

таинственное — чувство матери. Жить радостями и бедами своей девочки, просыпаться по ночам, прислушиваясь к её дыханию. Однажды Саргылана пришла домой вся в слезах, чуть живая. Промокла до нитки, зубы стучат, что-то бормочет бессвязное: «Чёрный лист... чёрные листья...» Майя не стала церемониться, силой раздела её догола, укутала в шерстяное, дала горячего молока, малины, грелку к ногам. Почти всю ночь она просидела рядом, подтыкая ей одеяло с боков... «Майя Ивановна, только честно... почему из меня не получается учительницы?» — «Глупая, глупая, что говоришь-то... Ты знаешь, чем отличается хороший педагог от плохого? Плохому и в голову не приходит, что у него что-то не получается. Он под дождём с горя бродить не станет».

Майя была уверена, что этот кризис неизбежен для молодой учительницы, но Лана преодолела его. Так зачем же машина, что взбрело девочке в голову?.. В колхозное правление она не вошла — влетела: Саргыланы там не оказалось. И как бывает — бежишь в запале, а потом вдруг всё становится безразличным, — едва доплелась до своей избы.

Саргылана была дома. Странно белела голая стена над кроватью, где ещё утром висел коврик с оленем. На кровати стоял раскрытый чемодан. Девушка вскочила, стараясь заслонить его спиной.

Майя привалилась к дверному косяку: ничего, ничего, собирайся, девочка. Что могу тебе ещё сказать? Я тебя не просто в свободную комнату пустила жилищкой, я тебя в душу свою пустила. А ты вот как — даже не предупредила, не посоветовалась.

— Майя Ивановна! — Саргылана мяла в руках пёструю блузочку.

— Что, Саргылана?

— Как же... урок ведь у вас. Что-нибудь случилось? У вас такое лицо, Майя Ивановна...

— Ничего не случилось, Саргылана. Просто услышала, что вы собираетесь уезжать, пришла попрощаться. Вы ведь не захотите уехать, не попрощавшись со мной, правда?

— Да что вы! Майя Ивановна... Машина будет совсем поздно... Я собиралась вам... я ведь ещё не еду...

— Ничего, Саргылана, ничего. Твёрдо решили, хорошо обдумали?

— Всё обдумала! Всё, Майя Ивановна! Нет больше сил. Какая из меня учительница? Нужно совесть иметь... И вы, пожалуйста, не уговаривайте меня больше, не тратьте времени.

— Я не уговариваю. Я не матушка тебе и не старшая сестра. Просто прожили полтора месяца под одной крышей... Одно только запомните, Саргылана Тарасовна: придёт день, когда вы об этом горько пожалеете.

— Майя Ивановна!

— Да, пожалеете, — сказала жёстко, как никогда не говорила раньше с младшей своей подругой. — Не бойтесь, не буду произносить слова «призвание», «долг». Тут всё объясняет одно простенькое словцо: бежите.

— Майя Ивановна!..

— Нет уж, выслушайте меня до конца. Бежите тайно, никого не предупредив. Бросаете на произвол судьбы своих мальчишек и девчонок. И это у вас называется — «надо совесть иметь». Ай да совесть! Как вот только мы ребятам объясним, почему у них нет больше уроков русского языка? Сказать: у Саргыланы Тарасовны, видите ли, совесть заговорила? Тем и запомнитесь Арылаху...

— Майя Ивановна, зачем вы говорите так!

Это было жестоко, слова, которые она произносила, ранили сердце ей самой, но Майя должна была сказать это, как бы ни любила Саргылану. Именно потому, что любила.

— Майя Ивановна!.. — Девушка припала к ней, лицом на грудь, кофточка у Майи стала мокрой.

— Ланочка... — проговорила она, обнимая её худенькие плечи. — Саргылана, дорогая...

— Эгей! Хозяева! — Что-то в сенях с грохотом обвалилось, наверное, старый таз с гвоздями. — Есть живые люди в этом доме?

— Всеволод Николаевич, это вы?

— А кто же ещё. Чего удивились, или вы кого другого, помоложе, ждёте?

— Заходите, пожалуйста, Всеволод Николаевич!..